

В. В. АЛЕКСЕЕВ, К. И. ЗУБКОВ

ПРОБЛЕМЫ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

XXVI съезд КПСС с новой силой подчеркнул необходимость сосредоточения усилий представителей общественных наук на критике буржуазных и ревизионистских концепций общественного развития, разоблачении фальсификаторов марксизма-ленинизма¹.

Советские историки немало сделали в этом отношении. Опубликованы монографии, статьи, в которых дается решительный отпор буржуазным версиям, искажающим историю советского рабочего класса и индустриального развития СССР². Однако до сих пор в поле зрения были преимущественно буржуазные фальсификации индустриального развития европейских районов страны, в то время как вместе со сдвигом советской индустрии на Восток, особенно в 60—70-е годы, сюда же сместились «интересы» наших идеологических противников.

В данной статье буржуазное сибиреведение рассматривается на примере современной историографии англоязычных стран (США, Великобритании, Канады, Австралии). Перед большинством этих государств стоят сложные проблемы освоения экстремальных территорий (Аляски, Канадского Севера, внутренних районов Австралии), что вынуждает их обращаться к сибирскому опыту. Канадский исследователь Р. Норт пишет, например, что «советский подход к северному развитию был главной причиной интереса западных географов и экономистов... и имеет важное значение в свете сравнения с аналогичным опытом Канады, особенно в разработке нефтяных ресурсов»³. Известный американский исследователь Севера Т. Армстронг подчеркивает, что для США представляет особую ценность советский опыт в развитии морского и речного

¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 146.

² Горбунов Э. П. Социалистическая индустриализация СССР и ее буржуазные критики. М., 1962; Салов В. И. Западногерманская историография социалистического строительства в СССР. М., 1967; Олегина И. Н. Индустриализация СССР в английской и американской историографии. Л., 1971; ее же. Некоторые вопросы истории советских промышленных предприятий в освещении английской и американской историографии.— «История СССР», 1981, № 2; Ноткин Б. И. Новые работы по истории советского рабочего класса в англо-американской буржуазной историографии.— Там же, 1975, № 1; Реальный социализм и его буржуазные фальсификаторы. М., 1977; Виттенберг Е. Я., Дробижев В. З. Рабочий класс и профсоюзы СССР. Критика буржуазных и ревизионистских концепций. М., 1980; Беспалов Н. Е. Рабочий класс СССР на современном этапе в освещении англо-американской буржуазной историографии.— «История СССР», 1981, № 1; Развитой социализм и кризис «советологии». М., 1982.

³ North R. Soviet Northern Development: the Case of North-West Siberia.— «Soviet Studies», 1972, vol. XXIX, № 2, p. 171.

транспорта, в технологии добычи нефти и газа, в местном производстве продовольствия⁴.

С другой стороны, западные страны проявляют большой интерес к налаживанию торгово-экономических связей с СССР на базе использования природных богатств Сибири, что отражается в стремлении советологов и политологов оценить влияние сибирского рынка на международные хозяйственные связи⁵. В связи с энергетическим кризисом, охватившим капиталистический мир, они обратили взоры к энергетическим ресурсам Сибири и предпринимают изучение развития сибирской энергетики⁶.

К настоящему времени на Западе создана обширная литература по проблемам индустриального освоения Сибири и Дальнего Востока, насчитывающая несколько десятков специальных книг и статей. Среди них можно выделить монографии⁷, материалы советологических конференций и коллоквиумов, посвященных социально-экономическому развитию Сибири⁸. Эти сюжеты отражены также в ряде трудов советологов, посвященных анализу региональных аспектов развития СССР⁹.

Для буржуазной историографии индустриального освоения Сибири вплоть до конца 60-х годов были характерны засилье антисоветских стереотипов, отвечавших духу «холодной войны», слабая разработка сибирской тематики, отсутствие региональных исследований, посвященных развитию восточных районов СССР. Председатель Совета по советским и восточноевропейским исследованиям при Австралийском национальном университете Т. Ригби отмечал в начале 70-х годов, что «широкие региональные исследования остаются редкостью и это особенно касается востока азиатской части Советского Союза»¹⁰.

На рубеже 60—70-х годов начинается новый этап в развитии буржуазного сибиреведения. Его отличительной чертой являлось то, что он

⁴ Armstrong T. *Soviet Northern Development, with Some Alaskan Parallels and Contrasts*. Fairbanks (Al.), 1970, p. 36.

⁵ Natural Resources and International Development. Essays from the 5th Annual Resources for the Future Forum. Baltimore (Md.), 1964; Conolly V. *Beyond the Urals. Economic Development in Soviet Asia*. L., 1967, pp. 272—273; idem. *Siberia Today and Tomorrow. A Study of Economic Resources: Problems and Achievements*. L.—Glasgow, 1975, pp. 203—211; Dibb P. *Siberia and the Pacific. A Study of Economic Development and Trade Prospects*. N. Y., 1972; *Exploitation of Siberia's Natural Resources. Main Findings of Round Table Held 30th Jan.—1st Febr. 1974 in Brussels*. Brussels, 1974; Stewart J. *The British in Siberia: 1581—1978*.—«Asian Affairs» 1979, vol. X, part 2, pp. 140—143; Downey A. *US—Soviet Trade: Can it be Salvaged? Should it be?* Washington, 1979; *Doing Business with the Russians*. N. Y., 1979; Whiting A. *Siberian Development and East Asia. Threat or Promise?* Stanford (Cal.), 1981.

⁶ *Exploitation of Siberia's Natural Resources*.

⁷ Conolly V. *Beyond the Urals...*; idem. *Siberia Today and Tomorrow...*; Armstrong T. *Russian Settlement in the North*. Cambridge, 1965; idem. *Soviet Northern Development...*; Dibb P. *Op. cit.*; North R. *Op. cit.*; Tupper H. *To the Great Ocean. Siberia and the Trans-Siberian Railway*. Boston—Toronto, 1965; Shabad T., Mote V. *Gateway to Siberian Resources (the BAM)*. Washington, 1977; Mote V. *Pacific-Siberian Growth Centers: A New Soviet Commitment*.—«Soviet Union», 1977, vol. IV, part 2, pp. 256—270; Whiting A. *Op. cit.*

⁸ *Exploitation of Siberia's Natural Resources; The Soviet Economy in Regional Perspective*. N. Y.—Washington—L., 1973; *Soviet Economy in a New Perspective. A Compendium of Papers Submitted to the US Congress Joint Economic Committee*. Washington, 1976; *Regional Development in the USSR. Colloquium 25—27 April 1979*. Brussels, 1979.

⁹ Katkoff V. *Soviet Economy 1940—1965*. Baltimore (Md.), 1961; Hooson D. *The Soviet Union (A Systematic Regional Geography)*, vol. VII. L., 1966; Conquest R. *Industrial Workers in the USSR*. N. Y.—Washington, 1967; Stanley E. *Regional Distribution of Soviet Industrial Manpower: 1940—1960*. N. Y.—Washington—L., 1968; Cohn S. *Economic Development in the Soviet Union*. Lexington (Mass.), 1970; Hutchings R. *Soviet Economic Development*. Oxford, 1971; Dewdney J. *The USSR*. Boulder (Col.), 1976; Chinn J. *Manipulating Soviet Population Resources*. L., 1977; Dienes L., Shabad T. *The Soviet Energy System: Resources Use and Policies*. Washington, 1979; Dunmore T. *The Stalinist Command Economy. The Soviet State Apparatus and Economic Policy 1945—1953*. L.—Basingstoke, 1980.

¹⁰ Rigby T. Foreword. In: Dibb P. *Op. cit.*, p. VII.

формировался в обстановке разрядки международной напряженности быстро возрастающего интереса западной общественности к индустриальному развитию Сибири и открывающихся перспектив торгово-экономического сотрудничества с СССР в эксплуатации энергетических и минеральных ресурсов региона. Заметно расширяется источниковая база, в оборот вводятся работы советских экономистов, историков, социологов. В 70-е же годы на Западе появляются крупные региональные исследования, посвященные индустриальному освоению Сибири. Следует, однако, отметить, что, несмотря на некоторые позитивные сдвиги в буржуазной историографии этого периода, многие традиции реакционного мифотворчества по-прежнему отражаются достаточно широко в работах буржуазных авторов.

Австралийский экономист П. Дибб считает, что одной из главных причин неудовлетворительного состояния сибиреведческих исследований на Западе являлась «наша собственная надменная позиция по отношению к Сибири»¹¹. Американский политолог А. Уайтинг также отмечает, что «традиционно это название (Сибирь.— *Авт.*) вызывало в воображении картину незащищенной от ветра, замерзшей пустоши, бедной людьми и цивилизацией...»¹².

С началом 70-х годов положение меняется. «С недавнего времени,— пишет П. Дибб,— ...статьи в западной прессе об обширных минеральных богатствах Сибири и строительстве там гигантских гидроэлектростанций, присутствие советского рыболовного флота в северной части Тихого океана и развитие советской дальневосточной торговли с Японией делали нас все более и более осведомленными о восточных регионах СССР»¹³. А. Уайтинг в качестве основных факторов возрастания научного интереса к Сибири на Западе называет открытие нефти и природного газа в Западной Сибири, выдвинувшие СССР на передовые позиции в мировом производстве энергетических ресурсов, строительство Байкало-Амурской магистрали, обеспечивающей широкие внешнеторговые выходы в страны Тихоокеанского бассейна, и др.¹⁴

Ныне на Западе признано, что социально-экономическое освоение Сибири является одной из важнейших составляющих поступательного развития всей советской экономики, долговременной экономической политикой КПСС и Советского государства. Однако история индустриального освоения Сибири рассматривается в советологии не однозначно. Многие буржуазные историки характеризуют ее как цепь случайных событий, как серию вынужденных ответов на «вызовы» различных чрезвычайных обстоятельств. Тем самым преуменьшается значение планового характера экономической стратегии индустриального освоения Сибири со стороны партии и государства. Более того, некоторые буржуазные авторы пытаются приписать Советскому государству откровенно пренебрежительное отношение к развитию своих восточных районов, в данном случае делается попытка подменить трудности освоения экстремальных регионов рассуждениями о якобы недостаточном внимании к их развитию. Так, П. Дибб зачисляет всю «Тихоокеанскую Сибирь» (термин, введенный автором для характеристики Восточной Сибири и Дальнего Востока) в некий «пренебрегаемый» район¹⁵. Американский советолог А. Б. Смит совершенно безосновательно отождествляет советскую политику по отношению к Сибири с дореволюционной политикой царского правительства¹⁶.

¹¹ Ibid. p. XI.

¹² Whiting A. Op. cit., p. 1.

¹³ Dobb P. Op. cit., p. XII.

¹⁴ Whiting A. Op. cit., p. 2.

¹⁵ Dobb P. Op. cit., p. 13.

¹⁶ Smith A. Soviet Dependence on Siberian Resource Development. In: Soviet Economy in a New Perspective, p. 480.

Между тем известно, что с первых лет Советской власти партия и правительство, лично В. И. Ленин проявляли большую заботу о восточных районах страны. Проводился широкий комплекс мероприятий, направленных на подъем экономики и культуры края. За 1918—1957 гг. в развитие экономики и культуры Сибири и Дальнего Востока было вложено 28 млрд. руб.¹⁷ В 1958—1967 гг. в районах, расположенных восточнее Урала, введено в действие основных фондов на сумму около 95 млрд. руб., т. е. 28,8% от общесоюзных затрат¹⁸. По сравнению с 1913 г. удельный вес этих районов в экономике страны к 1968 г. возрос: по добыче угля с 7,7 до 41,5%, по производству электроэнергии — с 2,1 до 25,1%, чугуна — с 0 до 10,5%, тракторов — с 0 до 12,6%, тракторных плугов — с 0 до 45,1%¹⁹. Их доля (с Уралом) в численности населения СССР поднялась на 18%, тогда как за этот же период количество жителей в аналогичных районах США увеличилось лишь на 6%²⁰. Разительные перемены произошли за годы Советской власти в ранее самых отсталых национальных районах Сибири. Например, уже в 1958 г. по сравнению с первыми годами Советской власти выпуск валовой продукции промышленности в Бурятии возрос в 245 раз, в Хакасии — в 100, в Якутии — в 47 раз²¹, в то время как в целом по стране валовая продукция промышленности выросла в 1960 г. по сравнению с 1913 г. в 40 раз²². Таким образом, в ранее отсталых национальных районах Сибири был обеспечен более быстрый рост промышленности, чем в среднем по стране.

Активно дискутируется на Западе вопрос о периодизации индустриального освоения Сибири, причем значительная часть буржуазных авторов относит начало этого процесса к середине 50-х годов²³. Подобные утверждения явно не соответствуют действительности.

Социалистическая индустриализация в Сибири и на Дальнем Востоке широко развернулась в 30-е годы и к началу Великой Отечественной войны достигла значительных успехов. В 1937 г. на территории этого региона производилось уже около 2 млрд. кВт·ч электроэнергии, выплавлялось 1471 тыс. т чугуна и 1681,6 тыс. т стали, добывалось 28,4 млн. т угля, т. е. почти столько, сколько во всей дореволюционной России. Если в целом по стране за годы Советской власти объем промышленного производства к концу 1937 г. увеличился в 5,9 раза, то в Западной Сибири — в 20, в Восточной — в 11, на Дальнем Востоке — в 8,9 раза²⁴. В результате социалистической индустриализации эти районы превратились из отсталых аграрных в индустриальные. Производственные мощности, созданные в Сибири в годы первых пятилеток, послужили материально-технической базой размещения эвакуированных предприятий в годы Великой Отечественной войны и последующего планомерного продвижения промышленности страны на восток.

Для советологов характерен упрощенный взгляд на сложные и противоречивые последствия Великой Отечественной войны для сибирской

¹⁷ Подсчитано по: Народное хозяйство СССР в 1961 г. М., 1962, с. 548—549 (без колхозов).

¹⁸ Пробст А. Е. Вопросы размещения социалистической промышленности. М., 1971, с. 278.

¹⁹ Там же, с. 281.

²⁰ Кистанов В. В. Комплексное развитие и специализация экономических районов СССР. М., 1968, с. 225.

²¹ Халбаев М. Н. Индустриальное развитие национальных районов Сибири. 1959—1970 гг. Новосибирск, 1978, с. 44.

²² 60 победных лет. 1917—1977. Цифры и факты. М., 1978, с. 65.

²³ Cohn S. Op. cit., p. 52; Lister J. Siberia and the Soviet Far East: Exploitation Policies in Energy and Raw Material Sectors: An Economic Assessment. In: Regional Development in the USSR, pp. 162, 169; Salisbury H. To Moscow — and Beyond. A Reporter's Narrative. L., 1960, pp. 168—169; George G. Siberia the New Frontier. N. Y., 1969, pp. 367—368.

²⁴ Докучаев Г. А. Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. М., 1973, с. 28.

промышленности. Так, чрезвычайные обстоятельства военного времени становятся у Э. Стэнли главной движущей силой индустриального сдвига на Восток, что якобы и определило дальнейшее развитие промышленности региона²⁵. Автор полностью игнорирует планомерный характер промышленного освоения восточных территорий нашей страны, которое осуществлялось и осуществляется на всех этапах социалистического и коммунистического строительства. Великая Отечественная война несомненно повлияла на экономическое развитие восточных районов, но это влияние было двойственным. С одной стороны, с эвакуацией сюда ряда промышленных предприятий индустриальный потенциал региона заметно возрос, но при этом надо иметь в виду, что быстрый рост отдельных производств, связанных главным образом с обороной, стал возможным благодаря наличию крупных угольно-металлургической и энергетической баз, созданных в предшествующий период. С другой стороны, в годы войны замедлилось развитие многих традиционных отраслей экономики. Так, на 43,4% сократилось производство строительных материалов, почти на одну треть уменьшился выпуск продукции деревообрабатывающей и пищевкусовой промышленности, на 56% — лесной. Война отрицательно повлияла на развитие местной промышленности, на состояние всех видов транспорта²⁶.

Фактор чрезвычайных перемещений промышленности СССР в военное время имел кратковременное влияние на темпы промышленного развития Сибири. Рост ее промышленного производства был в дальнейшем замедлен в связи с процессом реконверсии, а в некоторых важнейших промышленных центрах наблюдалось даже снижение выпуска валовой продукции. Например, в 1946 г. на $\frac{1}{5}$ снизилось производство в Кемеровской области и Красноярском крае²⁷. За 1946—1950 гг. выпуск валовой продукции промышленности Новосибирской области уменьшился на 4%, а Омской области — на 5%²⁸.

Следует отметить, что в последнее время ряд советологов стал занимать более взвешенную позицию по вопросу о влиянии войны на развитие сибирской индустрии. Английский советолог Т. Данмор, анализируя условия развития сибирской экономики в военное время, отметил «крупный сдвиг центра советской индустрии на Ближний Восток (районы Урала и Западной Сибири.—*Авт.*) в противовес Старому Западу» (европейской части СССР), но предостерег против переоценки этого сдвига и его значения²⁹. Он отметил такие отрицательные факторы, вызванные влиянием войны, как падение производства ряда отраслей гражданского сектора экономики, трудности послевоенной реконверсии промышленности и др.³⁰

Чрезвычайно распространены в буржуазном сибиреведении концепции, сводящие индустриальное освоение Сибири к воздействию так называемого «геополитического фактора». Так, В. Конолли считает, что осуществление Урало-Кузнецкой программы было вызвано почти исключительно «основной стратегической целью создания второй металлургической базы подальше от уязвимых районов Донбасса и Ленинграда, где были тогда расположены главные металлургические оборонные отрасли России»³¹.

Внешнеполитические обстоятельства, разумеется, играют не последнюю роль в экономическом развитии любого государства, однако оче-

²⁵ Stanley E. Op. cit., pp. 94, 113.

²⁶ История Сибири, т. 5. Л., 1969, с. 176.

²⁷ Там же, с. 191.

²⁸ Орлов Б. П. Развитие экономики Сибири на отдельных этапах социалистического строительства.— «Известия» СО АН СССР, 1982, № 1, сер. обществ. наук, вып. 3, с. 63.

²⁹ Dunmore T. Op. cit., pp. 34—35.

³⁰ Ibid. pp. 35—39.

³¹ Conolly V. Siberia Today and Tomorrow..., p. 47.

видно, что советологи преувеличивают их значение. Разумеется, в довоенные годы в условиях капиталистического окружения задачи обороны Советского Союза учитывались при размещении производительных сил. Но сводить все содержание процесса индустриализации только к этому нельзя. Создание Урало-Кузнецкого комбината и развитие на этой основе в Сибири ряда новых отраслей тяжелой промышленности являлось важной составной частью процесса индустриализации всего Советского Союза. Решение Урало-Кузнецкой проблемы означало начало превращения Сибири, и в первую очередь ее западной части, в один из крупнейших промышленных районов страны. В решении ЦК ВКП(б) от 15 мая 1930 г., одобренном XVI съездом партии, указывалось, что «индустриализация страны не может опираться в дальнейшем только на одну южную угольно-металлургическую базу», что «жизненно необходимым условием быстрой индустриализации страны является создание на Востоке второго основного угольно-металлургического центра СССР путем использования богатейших угольных и рудных месторождений Урала и Сибири»³². Осуществление Урало-Кузнецкого проекта серьезно изменило пропорции между экономическими районами страны. Уже в 1933 г. Урало-Кузнецкий комбинат давал $\frac{1}{5}$ часть всей добычи угля в стране, больше $\frac{1}{4}$ выплавки чугуна, почти $\frac{1}{3}$ добычи руды, $\frac{1}{6}$ часть производства кокса и почти $\frac{1}{4}$ продукции основной химии³³. Следовательно, Урало-Кузнецкий комбинат стал прежде всего новой крупной базой развития тяжелой промышленности страны, одним из мощных рычагов индустриализации СССР и его восточных районов в частности.

С этими фактами вынуждены считаться и некоторые советологи. Так, Т. Данмор признает, что ведущую роль в довоенном индустриальном развитии Сибири играли соображения «долгосрочной максимизации» капитальных затрат, т. е. перспективно планируемая политика освоения Сибири в интересах успешного развития всего народного хозяйства страны³⁴.

Сразу после окончания Великой Отечественной войны были предприняты важные меры по использованию сырьевых и энергетических ресурсов Приангарья, развернулись активные поиски нефти в Западной Сибири, подготавливались крупные проекты развития производительных сил в других районах Сибири и Дальнего Востока, которые начали осуществляться в 50—60-х годах³⁵. XIX, XX и XXI съезды КПСС со всей остротой ставили вопрос о необходимости интенсивного развития восточных районов страны³⁶.

С этими фактами все в большей степени приходится считаться советологам. Так, А. Уайтинг вынужден признать, что задачи укрепления обороноспособности могут рассматриваться в нынешнем развитии Сибири только как следствие общего прогресса экономической инфраструктуры Сибири в интересах хозяйственного освоения³⁷. А. Смит также приходит к выводу, что «наиболее фундаментальная причина ускоренного развития восточных районов — экономическая необходимость»³⁸.

Большинство буржуазных авторов в той или иной степени делают попытки проследить экономические мотивации ускоренного индустриального развития Сибири. Однако они стремятся трактовать эти эконо-

³² КПСС в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. Т. 4. М., 1970, с. 398.

³³ История социалистической экономики СССР, т. 3. М., 1977, с. 33.

³⁴ Dimpone T. Op. cit., p. 32.

³⁵ Алексеев В. В. Электрификация Сибири. Историческое исследование, ч. II. Новосибирск, 1976, с. 41—45, 50, 53, 57.

³⁶ КПСС в резолюциях..., т. 6, М., 1971, с. 345; т. 7, М., 1971, с. 125, 126, 418, 453, 456.

³⁷ Whiting A. Op. cit., p. 108.

³⁸ Smith A. Op. cit., p. 483.

мические мотивы в очень узком смысле. А. Смит, например, в качестве таких экономических мотиваций выделяет необходимость расширения сибирского экспорта в страны Запада для получения валютных поступлений. Тот же фактор в качестве ведущего стимула индустриального развития Сибири на современном этапе называют американские советологи Т. Шабад и Дж. Листер³⁹.

В рассуждениях буржуазных авторов обращает на себя внимание тот факт, что эффективность индустриального освоения понимается ими исключительно в свете капиталистического способа производства, т. е. как соответствие размещения капиталовложений текущей экономической конъюнктуре, как стремление к так называемой «краткосрочной максимизации» капитальных затрат. В освоении новых территорий такая политика может опираться только на использование ограниченного числа наиболее ценных ресурсов, транспортируемых в развитые в индустриальном отношении части страны и, таким образом, не стимулирующих общее хозяйственное развитие данной территории. Подобная модель развития — характерная черта капиталистических методов освоения новых территорий. Применительно к условиям Сибири такая политика размещения производительных сил имела бы более чем скромные результаты.

Не секрет, что первая крупная советская инвестиционная программа в Сибири — Урало-Кузнецкий комбинат — предусматривала фондоемкий вариант промышленного развития: рост капиталовложений в производство значительно опережал темпы роста промышленной продукции. Это было вполне естественно в силу самого характера освоения необжитой территории, обусловившего высокий удельный вес затрат на инфраструктуру, на создание капиталоемких отраслей промышленности в регионе⁴⁰. Между тем такие повышенные капитальные затраты на формирование начальных стадий крупного промышленного производства позволили в дальнейшем нашей стране создать здесь устойчивую базу для последующего индустриального развития. Урало-Кузнецкий комбинат явился межрайонным комплексом, основанным на взаимосвязанном использовании ресурсов Урала и Башкирии, Западной Сибири и Северо-Восточного Казахстана, органическом сочетании отраслей, составивших производственную основу социалистической индустриализации. Сибирская часть этой программы предусматривала не только создание современной черной металлургии на базе Кузнецкого металлургического комбината, но и самое широкое развитие других отраслей промышленности. При этом одно из главных мест отводилось угольной промышленности Кузбасса, который должен был дать коксующийся и энергетический уголь Уралу и Сибири. На основе коксового производства для нужд черной металлургии создавалась прочная база коксохимической промышленности. Разработка угля и близость полиметаллических руд давали возможность создания цветной металлургии⁴¹. С этой точки зрения можно говорить о рациональности и эффективности такого комплексного развития, особенно в смысле перспектив дальнейшего освоения Сибири.

С середины 50-х годов в соответствии с указаниями XIX съезда КПСС началась реализация Ангаро-Енисейского проекта. Этот проект был призван обеспечить дальнейший сдвиг производительных сил нашей страны на Восток, дать мощный толчок развитию экономики Красноярского края, Иркутской области, стимулировать хозяйственный рост Забай-

³⁹ Shabad T. *Siberia and the Soviet Far East. Exploitation Policies in Energy and Raw Materials Sectors: A Commercial Assessment*. In: *Regional Development in the USSR*..., p. 141; Lister J. *Op. cit.*, p. 162; Smith A. *Op. cit.*, pp. 483—485.

⁴⁰ Орлов Б. П. Указ. соч., с. 62.

⁴¹ Московский А. С. *Формирование и развитие рабочего класса в Сибири в период строительства социализма*. Новосибирск, 1968, с. 27.

каля⁴². Новая программа осуществлялась также в соответствии с ленинскими принципами организации социалистического производства, предусматривала «рациональное размещение промышленности... с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта»⁴³. Важнейшим итогом реализации Ангаро-Енисейской программы явилось динамичное развитие на базе электроэнергии сибирских ГЭС и местного сырья цветной металлургии и лесохимической промышленности, которые заняли передовые позиции в промышленности Сибири. В Иркутской области сложился Братско-Усть-Илимский территориально-производственный комплекс — центр электроэнергетики, алюминиевой промышленности, химической переработки древесины⁴⁴, ставший образцом рационального комплексного освоения новых территорий.

Огромное влияние на рост промышленного потенциала Сибири оказала реализация Западно-Сибирской нефтегазовой программы, в результате чего в регионе создана главная нефтяная база страны и успешно формируется основная база добычи природного газа. В 70-е годы Сибирь стала основной топливно-энергетической базой страны, обеспечивающей в значительной степени нужды европейской части СССР в топливе и энергии. Вместе с тем это решительным образом сказалось на формировании рациональной промышленной структуры самих восточных районов Советского Союза. Например, нефть и газ Западной Сибири дали начало созданию в Сибири нефтехимической промышленности⁴⁵. Освоение зоны строящейся Байкало-Амурской магистрали также прежде всего направлено на вовлечение в народнохозяйственный оборот богатейших ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В наши дни буржуазные авторы, рассматривающие экономические факторы освоения Сибири, вынуждены все в большей степени считаться с фактом долговременной политики КПСС и Советского государства, направленной на ускоренное социально-экономическое развитие Сибири, а также признавать рациональность советской стратегии освоения сибирских ресурсов. Показательно в этом плане заключение, сделанное Т. Шабаром, который отметил, что «сибирское развитие» на протяжении всего советского периода определялось «последовательностью региональных программ, которые фокусировали капитальные вложения на отдельных частях Сибири». Среди этих программ Т. Шабар выделяет Урало-Кузнецкий проект, «развитие огромного гидроэлектрического потенциала рек Енисея и Ангары», Западно-Сибирскую нефтегазовую программу, индустриальное освоение зоны Байкало-Амурской магистрали. На повестке дня, как считает Т. Шабар, сейчас реализация программы промышленной эксплуатации углей Канско-Ачинского бассейна⁴⁶. Планомерную последовательность индустриального сдвига на Восток в качестве одной из основных тенденций советского экономического развития отмечает и Э. Кирби⁴⁷. С. Кон также констатирует, что «главной заботой советской политики был сдвиг экономического развития на восток от Европейской России»⁴⁸. «В этом отношении, — продолжает он, — советская политика была рациональной. За исключением чрезвычайных перемещений военного периода, большая часть региональной политики основывалась на твердых экономических критериях»⁴⁹.

⁴² Орлов Б. П. Указ. соч., с. 63.

⁴³ Ленин В. И. ПСС, т. 36, с. 228.

⁴⁴ Новые территориальные комплексы СССР. М., 1977, с. 157—158.

⁴⁵ «Экономика и организация промышленного производства», 1980, № 12, с. 10.

⁴⁶ Shabad T. Op. cit., pp. 142—144; Shabad T., Mote V. Op. cit., pp. 1, 4.

⁴⁷ Kirby E. The Pattern of Siberian Development: Actual and Potential. In: Exploitation of Siberia's Natural Resources, p. 47.

⁴⁸ Cohn S. Op. cit., p. 49.

⁴⁹ Ibid., p. 52.

Наряду с подобными высказываниями в буржуазном сибиреведении бытуют и версии о некоем колониальном характере развития Сибирского региона⁵⁰. Канадский советолог Д. Хузон даже пытается отыскать в Сибири районы, которые можно было бы отнести к «очагам колониализма». В качестве последних он совершенно безосновательно выделяет золото- и алмазоносные районы Якутии, никелевые рудники Енисейского Севера, медные месторождения Казахстана и т. п.⁵¹ Фактически солидаризируется с ним американский автор Д. Дьюдни, который считает, что «индустрия в основных частях Сибири не разовьется за пределы добывающей стадии»⁵². Взгляд на Сибирь как на сырьевую колонию отстаивает и А. Уайтинг⁵³. Таким образом, советологи полностью искажают политику Коммунистической партии Советского Союза, направленную на преодоление социально-экономической отсталости бывшей окраины царской России, ее конкретные позитивные результаты.

В действительности же за годы Советской власти Сибирь превратилась в один из крупнейших промышленных районов страны, который составляет не только сырье, но и сложнейшую современную технику, получившую высокую оценку во многих странах мира. В экономике Сибири все более рельефно на первое место выходят передовые отрасли, обуславливающие технический прогресс: электроэнергетика, нефтепереработка, химия органического синтеза, выплавка алюминия и других цветных и редких металлов, целлюлозно-бумажная промышленность и т. д. На базе мощных сырьевых и энергетических ресурсов Сибири уже созданы крупные промышленные узлы перерабатывающих производств. Среди них — Омский нефтехимический комплекс, комплекс машиностроительных заводов Новосибирска, углехимические и машиностроительные производства Кузбасса, Томский центр электротехнического машино- и приборостроения⁵⁴. В Восточной Сибири сформировались Красноярский и Братско-Усть-Илимский территориально-производственные комплексы, складывается Саянский ТПК.

Вывод о «колониальном» характере экономики Сибири расценивается как не отвечающий социально-экономическим реальностям региона и рядом буржуазных авторов. Американский советолог Л. Дайнес считает, что осуществляемые в Сибири экономические свершения указывают на нечто гораздо большее, чем задачи превратить Сибирь в сырьевую и энергетическую колонию европейской части СССР⁵⁵. Т. Шабад приводит пример создания Саянского территориально-производственного комплекса с широко диверсифицированным производством и оценивает его как модель текущих и будущих направлений промышленного освоения Сибири⁵⁶.

В связи с развитием торгово-экономического сотрудничества СССР с капиталистическими странами по освоению сибирских ресурсов в буржуазной литературе активно обсуждается «значение иностранного капитала» для Сибири. При этом советологи пытаются утвердить откровенно апологетические взгляды об исключительной, «мессианской» роли западного капитала в освоении природных богатств Сибири. В. Конолли, например, делает совершенно необоснованный вывод о том, что радикально изменить ситуацию могут только «крупные инъекции капиталовложений и технической помощи США»⁵⁷. Ей вторит Э. Кирби, заяв-

⁵⁰ См., напр.: Stahl K. *British and Soviet Colonial Systems*. L., 1951, pp. 80—81.

⁵¹ Hooson D. *Op. cit.*, pp. 99—100.

⁵² Dewdney J. *Op. cit.*, p. 222.

⁵³ Whiting A. *Op. cit.*, p. 194.

⁵⁴ Комогорцев И. И. *Промышленность и рабочий класс Сибири в период строительства коммунизма (1959—1965 гг.)*. Новосибирск, 1971, с. 198—202.

⁵⁵ Dienes L., Shabad T. *Op. cit.*, p. 275.

⁵⁶ Shabad T. *Op. cit.*, p. 144.

⁵⁷ Conolly V. *Siberia Today and Tomorrow...*, pp. 55—56.

ляющий, что «введение настоящих частных предприятий... вызвало бы нечто похожее на экономическое чудо в Сибири»⁵⁸.

Все эти призывы к внедрению «смешанной» экономической системы фактически сводятся к попыткам обоснования курса империалистических государств на бесконтрольную, хищническую эксплуатацию природных ресурсов суверенных государств, на реставрацию капиталистических порядков в СССР.

Советский Союз никогда не согласится с безраздельным хищническим хозяйничаньем капиталистических монополий на своей территории. Там, где буржуазные авторы выдвигают тезис об «автаркичности» советской экономики, речь в действительности идет об отставивании экономического суверенитета страны. Пример Канады, на который ссылается Э. Кирби, как раз ярко демонстрирует печальные плоды политики «открытых дверей» для этой страны. Монополии США ведут неприкрытый грабеж ее природных ресурсов. Например, в мае 1983 г. американские компании самовольно начали разработку полезных ископаемых на континентальном шельфе в районе канадского острова Ванкувер, игнорируя протесты Канады по поводу посягательств на ее суверенные права⁵⁹. Не случайно в последние годы в Канаде особенно ревниво стали относиться к проблеме «экономического захвата» неосвоенных районов Канады Соединенными Штатами. После открытия на Канадском Севере крупнейших нефтяных и железорудных месторождений и появления перспектив их разработки одной из задач общенациональной важности стало «поддержание канадского суверенитета и безопасности на Севере»⁶⁰.

Противопоставляя советскому опыту освоения Сибири частнокапиталистическую альтернативу, советологи отрицают преимущество советской экономики — ее плановый характер. Между тем успехи в освоении Сибири за годы Советской власти наглядно показывают силу и действенность социалистической экономики. Осуществление крупномасштабных комплексных программ освоения Сибири стало возможным только в условиях социализма, позволяющего в кратчайшие сроки сосредоточивать капиталовложения, материальные и людские ресурсы на наиболее важных, перспективных участках экономического развития. Повышение эффективности освоения природных ресурсов Сибири будет осуществляться и в дальнейшем не на путях частнокапиталистического предпринимательства, а через совершенствование регионального планирования, разумное сочетание территориальных и отраслевых интересов, создание крупных территориально-производственных комплексов. Капиталистическая же экономика пока не знает столь впечатляющих примеров рационального и всестороннего комплексного развития новых территорий.

Академик Н. Н. Некрасов, ссылаясь на опыт США по комплексному развитию долины реки Теннесси и Луизианского комплекса, авторитетно констатировал: «Убежден, что тяжело было бы американцам поднять хотя бы один сибирский комплекс. У них все более скромно... Это — комбинирование, а не комплексное освоение территории»⁶¹. Подобное мнение разделяют и некоторые буржуазные авторы. Например, Т. Армстронг вынужден признать, что советская экономика осуществляет освоение экстремальных районов «более эффективно, чем любой экономический механизм, имеющийся пока на Аляске», и что «Советский Союз

⁵⁸ Kirby E. Op. cit., p. 54.

⁵⁹ «Известия», 1983, 13 мая.

⁶⁰ Александров Ю. А., Хрипунов И. А. Канада: проблемы 70-х годов. М., 1978, с. 13.

⁶¹ «Экономика и организация промышленного производства», 1979, № 4, с. 62.

находится впереди остального мира во многих практических аспектах северного развития»⁶².

Факт применения в советской промышленности западных технических и технологических разработок часто используется буржуазными авторами как исходный пункт для широких псевдоисторических обобщений. М. Голдмэн пытается отыскать некую историческую традицию «технологической отсталости» русских, некритически при этом сопоставляя отсталую феодальную Россию и государство развитого социализма, обладающее могучим научно-техническим потенциалом⁶³.

Подобные домыслы не имеют ничего общего с действительностью. Импорт западной техники и технологии, хотя и играет заметную роль в освоении сибирских ресурсов, не может иметь определяющего значения в этом процессе. Удельный вес технических средств из капиталистических стран в общем объеме собственного советского производства аналогичных образцов техники составляет менее 5%⁶⁴. Известно также, что высокий уровень научно-технического прогресса и осуществление крупнейших экономических программ в СССР были обеспечены прежде всего благодаря использованию собственных ресурсов и научно-технического потенциала, а не заимствованию технических новинок Запада. При этом, разумеется, осуществлялась ориентация на достижения мировой науки и техники, использовались наиболее ценные результаты научно-технического прогресса. Иначе и быть не может при современном интернациональном характере развития науки и техники.

Однако никакой зависимости СССР от Запада в области техники и технологии не существует, так как Советское государство обладает принципиальной научно-технической возможностью создания таких видов оборудования. Доказательством этого явились события, связанные с введением американского эмбарго на поставки оборудования для строительства магистрального газопровода Уренгой—Помары—Ужгород летом 1982 г. Как отметил министр строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Б. Е. Щербина, строительство имеет высокую техническую оснащенность, а машиностроители страны в кратчайшие сроки наладили производство газоперекачивающих агрегатов, закупавшихся ранее за рубежом. Министр охарактеризовал заявления некоторых американских средств информации о «срыве» строительства газопровода как «следствие незнания наших возможностей» или как «заведомую ложь»⁶⁵. Американский журнал «Форин полиси» в этой связи реалистически отмечал, что наблюдаемая разница в уровне техники СССР и США есть не результат разрыва в технических возможностях, а следствие различий в требованиях и целях, в очередности задач и приоритетов развития, и предостерегал от превращения избитой идеи советского технического отставания «в потенциальное средство самообмана»⁶⁶.

Свидетельством высокого уровня развития советской техники и технологии, международного признания этого факта является высокая оценка советских научно-технических достижений, особенно в области энергетического машиностроения, столь важного для индустриального освоения Сибирского региона. Канадский исследователь Ф. Леверседж называет Советский Союз в числе ведущих экспортеров энергетической технологии. Он пишет, что СССР «проник на западноевропейские рынки и поставляет турбины в Канаду. Его достижения в энергетическом маши-

⁶² Armstrong T. Soviet Northern Development..., pp. 4, 36.

⁶³ Goldman M. How Things Work in Moscow. In: Doing Business with the Russians, p. 115.

⁶⁴ Неожиданная газета. Интервью Вадима Загладина корреспондентам РТЛ.— «Журналист», 1980, № 9, с. 12.

⁶⁵ «Правда», 1982, 21 августа.

⁶⁶ Цит. по: «Экономическая газета», 1979, № 18.

ностроении соперничают в международном отношении с его космической программой»⁶⁷. Т. Армстронг подчеркивает, что в интересах успешного освоения Аляски американцам необходимо изучать советский опыт технологических решений в добыче нефти и газа⁶⁸. Кроме достижений в сейсмографии вечномерзлотного грунта, прокладки трубопроводов, использовании авиации и машинной техники в северном исполнении, о которых упоминает Т. Армстронг⁶⁹, можно отметить ряд новых промышленных технологических методов, впервые освоенных нефтяниками Сибири. Это промышленный метод вышкостроения с использованием крупных блоков, механизация основных процессов, кустовое наклонно направленное бурение, использование ледовых дорог, буровая на воздушной подушке, новые формы эффективной организации труда⁷⁰.

Много внимания в буржуазной сибиреведческой литературе уделяется социальным аспектам промышленного освоения Сибири, особенно проблеме трудовых ресурсов. Отдельные авторы оценивают некоторые формы пополнения рабочей силы в СССР как модификацию «принудительного труда». Р. Хатчингс, например, рассматривает подобным образом государственное распределение выпускников высших и средних специальных учебных заведений, а также систему оргнабора⁷¹. Ему вторит английский советолог Р. Конквест⁷².

Антинаучный характер построений советологов становится очевидным при сопоставлении с фактами советской действительности. Мощный толчок развитию Сибири был дан последовательным воплощением ленинских идей развития восточных районов, созданием в Сибири новых отраслей промышленности и промышленных центров, что вызывало приток в Сибирь кадров рабочих и служащих. Если в 1928 г. число рабочих и служащих здесь составляло всего 419,5 тыс.⁷³, то к 1940 г. — уже 2516,3 тыс.⁷⁴, а в 1955 г. — 5198 тыс. человек⁷⁵. Приток рабочей силы осуществлялся за счет таких форм пополнения, как оргнабор, распределение выпускников училищ и школ трудовых резервов, а также общественный призыв и индивидуальный прием рабочих предприятиями.

Для буржуазного сибиреведения характерна подчеркнута негативная оценка организованных форм привлечения рабочей силы. Такие авторы, как В. Конолли, П. Дибб трактуют их как «расточительную» практику, игнорируют важную положительную роль, которую оргнабор сыграл в развитии производительных сил Сибири⁷⁶.

В действительности же, являясь преобладающей формой пополнения рабочего класса Сибири до середины 50-х годов, оргнабор позволял достаточно оперативно осуществлять межотраслевое и территориальное перераспределение трудовых ресурсов и обеспечил основную потребность в кадрах строителей. На его долю в 1950 г. по Иркутской ГЭС приходилось 85%, Южно-Кузбасской ГРЭС — 75% всех принятых рабочих, в 1955 г. по Назаровской, Томь-Усинской и Беловской ГРЭС —

⁶⁷ Leversedge F. Plan GOELRO and Soviet Electric Power Development.— «Soviet Union», 1977, vol. IV, part 2, p. 237.

⁶⁸ Armstrong T. Soviet Northern Development..., pp. 18, 36.

⁶⁹ Ibid., pp. 18—19.

⁷⁰ Нефть и газ Тюмени в документах. Т. 3. Свердловск, 1979, с. 32, 59—60, 61—62, 64.

⁷¹ Hutchings R. Op. cit., pp. 108, 113.

⁷² Conquest R. Op. cit., p. 28.

⁷³ Московский А. С. Указ. соч., с. 78.

⁷⁴ Подсчитано по данным статистических сборников областей, краев Сибири и Бурятской АССР. Данные по Якутии см.: Рабочий класс и крестьянство национальных районов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 108.

⁷⁵ Алексеев В. В. Динамика численности рабочих Сибири в период упрочения и развития социалистического общества (1945—1960 гг.) — «Известия» СО АН СССР, 1981, № 1, сер. обществ. наук, вып. 1, с. 82.

⁷⁶ Conolly V. Beyond the Urals..., pp. 251—252; idem. Siberia Today and Tomorrow..., pp. 178—179; Dobb P. Op. cit., p. 186.

соответственно 72, 71 и 65% рабочих⁷⁷. Высокой была доля оргнабора также в лесной промышленности. В 1955 г. по предприятиям Министерства лесной промышленности, расположенным в Восточной Сибири, прием на работу через систему оргнабора составил 40%⁷⁸. С развитием технической базы производства, требующей более высоких трудовых навыков и квалификации, оргнабор как форма пополнения, поставлявшая главным образом неквалифицированную рабочую силу, утратил свое значение⁷⁹. Тем не менее он успешно выполнил свои функции на определенном историческом этапе, уступив затем место набору рабочих непосредственно на предприятиях. Как правильно подчеркивает Г. М. Макиевский, исследовавший практику оргнабора на примере Восточной Сибири, без его кадров нельзя себе представить ускоренное экономическое развитие региона в 50-х годах⁸⁰.

* * *

Таким образом, буржуазная историография промышленного развития СССР все большее внимание сосредоточивает на проблемах индустриального освоения восточных районов. В ней представлен широкий спектр оценок социально-экономического развития советской Сибири: от крайне реакционных до либеральных. При этом в 70-е годы основные концепции западных авторов под влиянием разрядки международной напряженности, успехов социального развития восточных районов заметно трансформировались в сторону более объективного освещения событий. Однако и в наши дни в буржуазном сибиреведении бытуют многие мифы советологов, основанные на апологетике капиталистических методов хозяйствования и противопоставлении их советской плановой системе, что настоятельно требует дальнейшей систематической критики современных буржуазных версий истории индустриального развития нашей страны.

⁷⁷ Алексеев В. В. Указ. соч., с. 188—189.

⁷⁸ Макиевский Г. М. Рабочие Восточной Сибири на пути к развитому социализму. 1945—1960 гг. Красноярск, 1980, с. 60.

⁷⁹ Алексеев В. В. Указ. соч., с. 189; Комогорцев И. И. Указ. соч., с. 265.

⁸⁰ Макиевский Г. М. Указ. соч., с. 61.

В. И. БУГАНОВ

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР [О деятельности и изданиях Международной ассоциации и Советского комитета по изучению и распространению славянских культур]

Изучение истории и культуры славянских народов давно стало традицией отечественных гуманитарных наук, в том числе исторической науки. Истоки же интереса к этой теме уходят в прошлое. В течение многих столетий происходило накопление исторических знаний. Авторы русских летописей, повестей, сказаний и других сочинений внимательно следили за событиями политической и культурной жизни Болгарии и Сербии, Чехии и Моравии, Словакии и Польши, сообщали о них различ-